

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Соловьев К.А. Две концепции исторической памяти России: П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.72514 EDN: FJDFQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72514

Две концепции исторической памяти России: П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин

Соловьев Константин Анатольевич

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, оф. 2

✉ ksoloviov@spa.msu.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.72514

EDN:

FJDFQH

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является процесс концептуализации исторической памяти, как феномена общественного сознания России первой трети XIX в. Цель данной статьи – выявление специфических черт двух индивидуальных концепций исторической памяти России: П.Я Чаадаева и А.С. Пушкина. Для достижения этой цели необходимо провести анализ одного из главных историко-философских текстов второй четверти XIX в. – первого «Философического письма» П.Я Чаадаева, с тем, чтобы обозначить содержащиеся в этом тексте элементы исторической памяти, как альтернативной концепции, по отношению к той модели, которая лежала в основе исторической политики Российской империи XVIII – первой четверти XIX вв. Дополнительная задача – выявить элементы конструкции исторической памяти, предложенной А.С. Пушкиным в качестве первой реакции на текст Чаадаева. Базовый метод, используемый при решении этих задач – семантический анализ, позволяющий выявить как содержательную сторону, так и символическое значение тех семантических единиц, которые были использованы Чаадаевым и Пушкиным, при изложении их воззрений на историю России.

В качестве выводов следует указать на то, что для Чаадаева исторический процесс – это самораскрытие народа, то есть, в первую очередь – выявление его потенций и возможностей для самореализации, а затем, собственно движение к прогрессу, к получению все большей и большей свободы. Роль исторической памяти, в таком понимании, состоит в отборе и закреплении таких элементов исторической конструкции (событий, дат, мест и героев), которые могут стать вехами в этом развитии и символами исторического движения. Отсутствие исторической памяти в России, по Чаадаеву, ведет к необходимости сознательного исторического пути. Исторический процесс для Пушкина – это драма, тоже действие, но действие не имеющее цели раскрыть внутренние возможности человека или народа. Пушкин видит в истории величие: поступка, чувств, мысли, страданий и борьбы. Отобрать и закрепить в сознании народа формы исторического величия – вот задача исторической памяти в его индивидуальной концепции.

Ключевые слова:

история России, Историческая политика, Символическая политика, Историческая память, Чаадаев, Пушкин, Философические письма, Девятнадцатый век, Общественная мысль России, Историческое сознание

В современных исследованиях, посвященных коммеморативным практикам и их изучению, историческая наука противопоставляется исторической памяти, поскольку в науке важно индивидуальное начало, а в памяти – коллективное [\[15, с. 45\]](#). Исследователи, обращаясь к прошлому, формируют концепции, объясняющие прошлое. Коллективная память, в свою очередь, базируется на мифах [\[2, с. 109\]](#), фиксирующих приоритет прошлого по отношению к современности. Стремясь преодолеть разрыв между индивидуальной памятью каждого и коллективной памятью поколений (а, соответственно, между концепцией и мифом), Ф. Анкерсмит предлагает ввести понятие «возвышенный исторический опыт», который, в его концепции, «представляет собой, грубо говоря, слияние объективного и субъективного опыта прошлого» [\[1, с. 369\]](#). Введение понятия «исторический опыт» объективизирует представления человечества о своем прошлом, но не объясняет того, как этот опыт перевоплощается в миф, обладающий потенциалом мобилизации людей на коллективное действие или же на то, чтобы «заглушить» мобилизационный порыв [\[2, с. 11\]](#).

Историческая политика, как способ реализации тех или иных интересов, не может не использовать сочетания поведения рационального (формирование целеполагания и подбор инструментария) и иррационального (апелляция к чувствам, а не к разуму). Сочетание рациональных и иррациональных элементов, в своей совокупности, формирует *модель исторической политики*, действующую в тот или иной исторический момент. В основе каждой модели исторической политики находится собственный вариант исторической памяти, то есть непротиворечивый набор элементов, составляющих картину прошлого, предлагаемую современности. Этот набор элементов выглядит следующим образом:

Элемент первый – *целеполагание*, которое выглядит как четкий и недвусмысленный ответ на вопрос: зачем нужно помнить о том или ином событии в прошлом. Целеполагание в исторической политике формируются по двум траекториям: *траектория славы/торжества/триумфа* и *траектория скорби/жертвы/покаяния* [\[21, с. 11-12\]](#).

Элемент второй – *историческая мифология* закрепляющая целеполагание в народной памяти и формирующая непротиворечивую картину прошлого, в которой может доминировать одна из двух выше обозначенных стратегий или же возникает их сочетание.

Элемент третий – *набор символов* выражающих целеполагание и формирующих непротиворечивую картину прошлого. Единство символов (визуальных, речевых, музыкальных, представленных в датах, местах событий, а также героях и их деяниях) составляет «инфраструктуру исторической памяти» [\[13, с. 49\]](#) и опорный аппарат для формирования ее инструментария.

Элемент четвертый – *инструменты* позволяющие а) поддерживать в сознании людей сложившуюся картину исторической памяти; б) реализовать символический потенциал политики памяти в деятельности по мобилизации на какие-либо коллективные действия. Использование этих элементов в последнее время все чаще именуют «коммеморативными практиками» [\[5, с. 21; 4, с. 180, 184\]](#).

Для того, чтобы соединение этих элементов было непротиворечивым, необходимо «проговорить» (или «прописать») содержание данной модели исторической памяти, выразить его в коротких, но емких высказываниях, которые должны служить общим выражением единства народа и власти. Общее содержание такого рода высказываний, в любую эпоху и у любого народа выражается в двух взаимосвязанных тезисах. Первый: «мы самые лучшие». Второй: «они – не мы». Конкретное наполнение этих тезисов должно обозначить, кто – «мы» и кто «они»; в чем состоят различия, есть ли от «них» угроза и в чем она состоит. Именно для того, чтобы обозначить ключевые позиции исторического объяснения взаимодействия «нас» и «их» возникают *концепции исторической памяти*, которые в максимально краткой форме фиксируются короткими тезисами, такими как «Москва – третий Рим», «Россия есть Европейская держава», «Кто не с нами – тот против нас».

Отдельные концепции памяти создаются для того, чтобы: а) конкретизировать (или актуализировать) действующую модель на разных этапах ее доминирования; б) обозначить вектор трансформации действующей модели в интересах того или иного субъекта исторической политики; в) обосновать несогласие с действующей моделью исторической памяти и предложить альтернативу. В том случае, когда альтернативная концепция получает признание части политически активного населения у нее появляется возможность перехода из частной концепции в альтернативную модель.

В каждой концепции исторической памяти можно выделить несколько частей:

- указание на те элементы прошлого, которые имеют ключевое значение для понимания современности;
- выявление символического значения этих элементов;
- базовая конструкция исторического мифа, полностью или частично отличающегося от того, что существует в действующей на данный момент модели;
- вывод о том, как надо действовать в современности по отношению к историческому наследию в базовых вариантах: а) сохранять и приумножать, б) помнить, гордиться, но идти дальше; в) преодолеть (отринуть) прошлое ради движения к будущему.

Цель данной статьи – выявление специфических черт двух индивидуальных концепций

исторической памяти России из которых одна (П. Я. Чаадаева) стала триггером общественной полемики по вопросам исторической памяти и символической политики в российском государстве, а вторая (А.С. Пушкина) – легла в основу одной из позиций, в этой полемике отстаиваемых. Для достижения этой цели необходимо провести анализ одного из главных историко-философских текстов второй четверти XIX в. – первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева, с тем, чтобы обозначить содержащиеся в этом тексте элементы исторической памяти, как альтернативной концепции, по отношению к той модели, которая лежала в основе исторической политики Российской империи XVIII – первой четверти XIX вв. Дополнительная задача – выявить элементы конструкции исторической памяти, предложенной А.С. Пушкиным в качестве первой реакции на текст Чаадаева. Базовый метод, используемый при решении этих задач – семантический анализ, позволяющий выявить как содержательную сторону, так и символическое значение тех семантических единиц, которые были использованы Чаадаевым и Пушкиным, при изложении их воззрений на историю России.

При всем богатстве и разнообразии литературы сложившейся вокруг первого «Философического письма», проблема исторической памяти, как специфической реакции на прошлое, практически в ней не отражена. Основная причина в том, что первое «Философическое письмо», начиная с книги М. О. Гершензона 1908 г. [\[7, с. 62, 68, 147, 153\]](#) и до современности [\[10; 17; 20\]](#), воспринимается как изложение «историко-философской концепции», то есть в парадигме *осмысления исторического процесса*, но не в парадигме *восприятия истории с позиций современности* (в чем состоит смысл исторической памяти). Ближе всего к теме исторической памяти в творчестве Чаадаева подходят Я. Добешевский, с его концепцией «учредительного мифа» [\[5\]](#) и А.А. Карамурза, написавший о парадигме «северного переноса» византийских цивилизационных форм, как ключевого фактора ранней российской истории в представлениях Чаадаева [\[12\]](#).

В первой четверти XIX в. базовой моделью исторической памяти в России была модель «петровской традиции» с теми коррективами, которые в нее внес Н. М. Карамзин. В этой модели

целеполагание обращения к истории, может быть обозначено как усиление российской государственности для достижения прогресса (в варианте Карамзина – для сохранения стабильности в обществе); и прогресс, и стабильность рассматривались как инструменты достижения «общего блага»;

историческая мифология опиралась на образ Петра I, как преобразователя российского общества и пересоздателя российского государства; это образ героя, давшего образцы поведения во всех сферах государственной жизни; «продолжателями» этой «петровской традиции» именовались Екатерина Великая и Александр I, чье правление способствовало превращению страны в крупнейшую европейскую державу;

в качестве *символов* в этой модели памяти, ведущей отсчет «новой» России от начала XVIII в., служили а) исторические личности – «птенцы гнезда Петрова», б) такие «места памяти» как Санкт-Петербург и Крым, в) даты памяти – крупнейшие победы русского оружия от «Полтавской баталии», до взятия Парижа;

основным *инструментом* исторической памяти стало соотнесение современной России с величием России «петровской», а той – с величием Древнего Рима.

Но концепция «петровского наследия», которая лежала в основе действующей модели

исторической политики была далеко не единственной. Уже в последней четверти XVIII в. князь М.М. Щербатов в своих текстах (правда не известных обществу) часто и аргументированно критиковал «петровскую концепцию». После «наполеоновской эпопеи» никто иной как сам император Александр I выступил с пусть не проработанной в деталях, но внятной по посылу концепцией «прямого» божественного вмешательства в историю России. Наиболее ярким символическим проявлением этой концепции, стал выпуск медали «В память Отечественной войны 1812 года» с надписью «Не нам, не нам, а имени Твоему». В общественном сознании эта концепция реализовывалась в усилении интереса к истории кризисов и спасения России, прежде всего к истории Смутного времени, что привело к появлению таких произведений, как либретто оперы «Иван Сусанин» А. Шаховского (1815), «Борис Годунов» А.С. Пушкина (1825), «Дмитрий Самозванец» в «Думах» Рылеева (1825); «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М.Н. Загоскина (1829); «Рука Всевышнего Отечество спасла» Н.В. Кукольника (1834); опера «Жизнь за царя» М.Н. Глинки (1836). Еще одна (полностью антипетровская) концепция исторической памяти начала проявляться в историософской мысли формирующегося движения «славянофилов».

Но прежде того, как славянофилы» начали теоретическую работу по формированию собственной концепции исторической памяти, появилось первое «Философическое письмо» П.Я. Чадаева, в котором, на наш взгляд, была представлена проработанная, в основных элементах, *индивидуальная концепция исторической памяти*. Обозначим эти элементы в структуре, которая была описана выше.

1. Указание на те элементы прошлого, которые имеют ключевое значение для понимания современности.

П.Я. Чадаев показывает ясное понимание необходимости «опорного каркаса» памяти: «Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста» [\[22, с. 324\]](#).

Именно в этой части («формирования общественных устоев») представления Чадаева о прошлом России коренным образом разошлись с представлениями практически всех его современников. Концепция Чадаева опирается на его убежденность в том, что в истории России таких элементов просто нет: «Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно» [\[22, с. 324\]](#). Отсутствие элементов позитивной исторической памяти позволяет судить о современности, но это суждение не будет иметь символической опоры. И это не значит, что символика нет совсем.

2. Выявление символического значения этих элементов.

Отказ признать в российском прошлом наличие «воспоминаний» и «наставлений» ведет к признанию того, что не на что опереться для того, чтобы сформировать традицию, полезную для современности и для будущего. Символика российского прошлого, по Чаадаеву, никчемна и бесполезна: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица» [\[22, с. 324\]](#).

Здесь важна символика «погремушки», поскольку это предмет: а) смысл которого в производстве внешнего эффекта (в ее «гремучести»); б) задача же состоит в отвлечении ребенка от реальности. Соответственно народ, лишенный памяти – это личность не выросшая из состояния детства, не имеющая возможности быть самостоятельной и нуждающаяся в «кормилице». Образ же «кормилицы» явно соединен с образом «национальной власти», выступающей в качестве внешней, по отношению к народу силы.

3. Базовая конструкция исторического мифа.

Начальная точка истории России, по Чаадаеву может быть описана как «неверный выбор» или «историческая ошибка». Сформулировано это следующим образом: «В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов» [\[22, с. 331\]](#). Как видно из этой цитаты, «ошибка выбора» имела два последствия: первое – это отделение от общей исторической судьбы народов Европы; второе – подчинение «растленности» вместо самостоятельного развития.

Вторым элементом этой конструкции стало новое подчинение, теперь уже завоевателю: «Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания» [\[22, с. 331\]](#). Это событие не создало новой исторической реальности, а лишь усугубило «ошибку выбора», тем что а) оно еще больше отделило Россию от семьи европейских народов и б) сформировало черты народа, не способствующие прогрессу, а противостоящие ему.

Наконец третий элемент конструкции исторического мифа Чаадаева – это освобождение от внешнего «рабства» с тем, чтобы создать его у себя самостоятельно: «И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжкому, и притом освященному самим фактом нашего освобождения» [\[22, с. 331\]](#).

Исторический миф Чаадаева можно назвать «отказом от истории», понимаемой как целенаправленное движение от «дикого варварства» к сложным и формам

общественного устройства, с развитием «нравственных сил народа». Следствием «отказа от истории» стало прозябание в том, что можно назвать «вечным настоящим», лишенном не только прошлого, но и будущего: «Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний» [\[22, с. 326\]](#).

Нельзя сказать, что Чаадаев не хотел видеть в российском прошлом попыток выйти из этой ловушки «неверного выбора». В своем «Письме» он упоминает двух государственных деятелей, стремившихся к прогрессу и к возвращению России в число европейских народов, а, следовательно, достойных того, чтобы остаться в исторической памяти народа: «Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и гибельные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека» [\[22, с. 330\]](#).

Ни Петру I, ни Александру I (в конструкции Чаадаева), решить задачу поворота от застоя к прогрессу не удалось, а значит, в его исторической мифологии они выступают как «непонятые герои», отвергнутые народом или «великие проигравшие». Присмотревшись к результату этих попыток, мы обнаруживаем «дурные идеи и гибельные заблуждения», то есть воззрения декабристов. Но декабристы не правили Россией и отбросить ее в прошлое сами не могли. Это сделал тот, кого Чаадаев не мог называть, правитель России, император Николай I, в своей борьбе с «дурными идеями».

Тут возникает вопрос: почему Чаадаев пишет о том, что Россия отброшена в прошлое «на полвека», а не век, или два? Если не считать строго по годам, то полвека, от того времени, когда Чаадаев задумывал эти письма – это середина 1770-х гг., время подавления восстания Пугачева. Параллель Пугачев – декабристы (выявляющая деструктивное начало в истории), приводит к другой параллели: Екатерина II – Николай I. В 1775 г. Екатерина начала губернскую реформу и подписала документ, за которым закрепилось название «Манифест о свободном предпринимательстве». Возможно что в представлении Чаадаева, в правлении Екатерины была предпринята еще одна попытка движения к прогрессу, попытка равная усилиям Петра. И так же как предыдущая попытка – не дала результата. И это неоднократное упоминание разного рода деятельности на пути к прогрессу, не давшей необходимого результата, приводит нас к четвертому элементу концепции Чаадаева.

4. Вывод о том, как надо действовать в современности по отношению к историческому наследию.

В понимании Чаадаева два первых варианта использования исторической памяти, из обозначенных выше (приумножать и гордиться), невозможны, как невозможно преумножать пустоту или гордиться ей. Остается третий вариант – *преодоление прошлого*, что может означать обращение к иной, посторонней исторической памяти, как это, в

свое время сделал Петр I, выбравший для своего правления историческую память древнего Рима. Отсылка к символическим образам двух «великих» (Петра I, Александра I) и неявный образ Екатерины «спрятанный» в метафору «полувека» указывают именно на это – на попытку заменить пустоту российской исторической памяти, памятью европейской.

Однако Чаадаев не видел возможности заимствовать чужую историческую память. Прежние попытки убедили его в том что: «Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний» [\[22, с. 326\]](#).

Его идея состоит в том, что Россия должна сформировать собственную историческую память заново, отвергнув прежний, неправильный выбор и пройдя по новому пути – «всеобщего движения человечества». Именно эту мысль он высказал наиболее определенно и без метафор: «Если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого мы имеем историю народов и перед нами итоги движения веков. Без сомнения, эта задача трудна и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета; однако, прежде всего надо понять в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место» [\[22, с. 325\]](#).

Задача «преодолеть прошлое» не была сформулирована, в качестве императива даже в петровскую эпоху, когда разрыв с предшествующей эпохой был наиболее наглядным. Во времена Чаадаева, сразу после «открытия» Карамзиным русской истории для читающей публики, призыв к отказу от только обретенного наследия, мягко говоря, понимания не нашел. Публикация первого «Философического письма» вызвала бурную реакцию российского образованного общества, в которой преобладали чувства возмущения и раздражения [\[14, с. 543\]](#). И мало кто, в 1836 г., думал о содержательной реакции на те идеи, что высказал Чаадаев [\[16\]](#). По свидетельству современника «настоящего смысла и важности этого события в ту минуту никто не только не оценивал, но даже и не подозревал... Большинство [...] на словах собиралось вооружиться уничтожающим презрением, а на деле обнаруживало распутившееся, самое разъяренно-ненавидящее озлобление; меньшинство готовилось к спокойному, благородному [...] научно-критическому опровержению. Безусловно сочувствующих и совершенно согласных не было ни одного человека» [\[9, с. 31 и 33\]](#).

Одним из первых отреагировал на концепцию исторической памяти А.С. Пушкин. В письме от 19 октября 1836 г. он, пусть в очень сжатом виде и явно в импровизационном ключе, формирует собственное понимание истории России и символического значения ее ключевых событий. Вот необходимый нам фрагмент его письма:

«Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр,

который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» [\[19, с. 461\]](#).

Рассмотрим эти слова Пушкина по тем же четырем позициям, необходимым для создания собственной концепции исторической памяти:

1. Набор элементов, которые могли бы стать опорой для формирования исторической памяти.

Пушкин обозначает, в качестве опорных элементов исторической памяти, не столько события, сколько отдельные проявления *исторической деятельности*, выражая это целым набором отглагольных форм («брожение», «нашествие», «развитие», «пробуждение», «движение», «начавшаяся», «закончившаяся») и собственно глаголов («поставила», «привел»). Так формулируется *концепция исторической жизни*, постоянного движения во времени и в пространстве, в противовес чаадаевскому «отказу от истории».

2. Выявление символического значения этих элементов.

Значение исторической памяти вполне отчетливо выявляется в отборе тех фигур, которые Пушкин считает необходимым назвать: Олег, Святослав, Иван III, Иван IV, Петр, Екатерина II, Александр. Все они – выразители максимальной мощи России в ее государственном развитии. А три последних – это еще и мощь, проявленная на фоне мировой (или европейской) истории. Намек на воцарение Романовых (Ипатьевский монастырь) – в том же ряду. В противовес чаадаевской «погремушке» Пушкин предлагает, в качестве символа, *художественный (театральный) жест*, что нагляднее всего выражено в сопоставлении истории со «зрелищем», а также в семантике фраз «поставила Россию на пороге Европы» и «привел нас в Париж».

Содержание исторической памяти, по Пушкину, может быть выражено следующим образом: страна, пережившая пленение и смуту, возродилась к жизни затем, чтобы сначала встать на пороге Европы, а затем возглавить ее. Такой образ российской истории чрезвычайно сильно сближает ее с историей древнего Рима, переживавшего, на разных этапах своего существования и смуты и кризисы, но поднявшегося к мировому величию. История Рима, как образца исторического действия, была постоянным фоном литературного творчества Пушкина [\[23; 24; 18\]](#) и не могла не оказать влияния на его понимание исторической памяти. Это понимание очень близко к тому, что лежала в основе творчества Тацита: история, как отражение «славных деяний предков» [\[6, с. 62\]](#).

Концепция «славных деяний» выражена у Пушкина в символических (драматических) фигурах, что в точности соответствует историческим представлениям поздних гуманистов и, в частности В. Шекспира, о котором М.А. Барг писал: «Шекспиру, как историческому мыслителю присуща типичная черта гуманистической историографии — уверенность в том, что всякое историческое движение можно выразить только «в лицах», исторические конфликты — как конфликты личные, родовые, династические, изменения в государстве — только через смену государя и т. п.» [\[3\]](#). То же самое можно сказать о литературных произведениях Пушкина, опирающихся на исторические сюжеты. Из числа названных в рассматриваемом тексте исторических персонажей, символическую обработку в литературных произведениях Пушкина получили (с положительными коннотациями) Олег, Петр I, Екатерина II, а также (с отрицательными коннотациями) Иван IV и Александр I. Неупомянутый прямо Николай I служит скрытым символом современной Пушкину эпохи ровно так же как он является необъявленным символом новой эпохи в «Стансах» 1826

г., парным, по отношению к объявленному – все тому же Петру I.

3. Базовая конструкция исторического мифа.

Сочетание событий, отмечаемых Пушкиным с опорой на символические фигуры, создает образ России, постоянно находящейся в движении по направлению к обретению все новых и новых сил. Это накопление сил и могущества позволяет России, от эпохи к эпохе, становиться все более значимым участником мировой истории, не уступавшим по масштабу своей внутренней жизни и влиянию на судьбы мира европейским государствам. Общая конструкция исторического мифа, предлагаемого Пушкиным, чрезвычайно близка очень популярной концепции истории, как театрального действия, в котором максимально важным становится драматический эффект, то впечатление, которое получает каждый, кто обращается к событиям прошлого.

4. Вывод о том, как надо действовать в современности по отношению к историческому наследию.

Условно «тацитовская» или «шекспировская» модель исторического мифа (явно выраженная в коротком тексте Пушкина) требует театрального жеста и в современности. Оценка происходящего в современности определяется тем, в какой степени она представляет собой драму, способную увлечь («поразить») сюжетом и персонажами будущих читателей/зрителей. Но поскольку речь идет об исторической памяти будущих поколений, то Пушкин заменяет драматурга на «историка». Эта подмена носителя исторической памяти (народа), ее создателем (историком) говорит нам о том, что Пушкин (в отличие от Чаадаева) ориентируется, прежде всего, на историческую мифологию – отражение истории не в рациональном сознании, а в чувстве, возникающем, под влиянием рассказа о прошлом.

В качестве вывода обозначим главное различие в понимании Чаадаевым и Пушкиным исторического процесса и, соответственно, роли в нем исторической памяти. Для Чаадаева исторический процесс – это *самораскрытие народа*, то есть, в первую очередь – выявление его потенций и возможностей для самореализации, а затем – собственно движение к прогрессу, к получению все большей и большей свободы. Роль исторической памяти, в таком понимании, состоит в отборе и закреплении таких элементов исторической конструкции (событий, дат, мест и героев), которые могут стать вехами в этом развитии и символами исторического движения. Поскольку в прошлом России Чаадаев таких элементов не видел, он предлагал начать работу по их созданию (то есть начать историю с нуля) и не был, в этом, понят обществом. Исторический процесс для Пушкина – это *драма*, тоже действие, но действие не имеющее цели раскрыть внутренние возможности человека или народа. Пушкин видит в истории величие: поступка, чувств, мысли, страданий и борьбы. Отобрать и закрепить в сознании народа *формы исторического величия* – вот задача исторической памяти, отчетливо выраженная не только в том коротком отрывке, который мы здесь рассматривали, но и в практически в каждом литературном произведении из тех, чей сюжет базировался на исторических событиях или затрагивал их.

Библиография

1. Анкерсмит Ф. А. Возвышенный исторический опыт. М.: «Издательство -Европа», 2007.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
3. Барг М. А. Шекспир и история. М., «Наука». 1979. URL: <https://w->

shakespeare.ru/library/shekspir-i-istoriya15.html

4. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «От доски до доски»: конструирование мифа и поиск идентичности в знаках коммеморации (на примере мемориальных досок) // ЛиТ. Исторический альманах. 2019. № 12. С. 178-186.
5. Боднарук И. И. Социальная память: проблематика определения понятия в контексте подходов Я. Ассмана и А. Ассман // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 21-26.
6. Вержбицкий К. В. Тацит как историк принципата // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 3. С. 60-70.
7. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб. 1908. С. 62, 68, 147, 153.
8. Добешевский Я. Петр Чаадаев как учредительный миф русской философии // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. № 4. С. 90-103.
9. Жихарев М.И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 9-54.
10. Ивонина О. И. П. Я. Чаадаев о религиозном векторе русской истории // Философия и культура. 2017. № 2. С. 57-68.
11. Корнющенко-Ермолаева Н. С. Диалектика отношений коллективной памяти и истории: pro et contra // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 3 (46). С. 43-60.
12. Кара-Мурза А. А. «Северная» идентичность России как предмет цивилизационной самокритики (от Петра Чаадаева до Василия Шульгина) // Философский журнал. 2022. № 2. С. 5-16.
13. Красильникова Е. И., Вальдман И. А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. № 1. С. 47-54.
14. Козмин Н.К. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912.
15. Мегилл А. История и память: за и против // Философия и общество. 2005. № 2 (39). С. 132-165.
16. Мильчина В. А., Осповат А. Л. Дневник Александра Тургенева и «Философическое письмо» Чаадаева: хроника московского быта (по архивным материалам) // Шаги/Steps. 2022. № 2. С. 146-175.
17. Нижников С. А. П. Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 488-494.
18. Никола М. И. «Повесть из римской жизни» А. С. Пушкина // Наука и школа. 2019. № 3. С. 11-18.
19. Пушкин А. С. Письмо Чаадаеву от 19 октября 1836 г. // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М.: Наука. 1991. С. 460-461.
20. Смирнов В. Н., Евлампиев И. И. Система Гегеля и романтизм: два полюса исторических воззрений П.Я. Чаадаева // Вестник РХГА. 2020. № 4-2. С. 126-138.
21. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10-13.
22. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое. Письмо второе // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука. 1991. С. 320-354.
23. Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 92-159.
24. Янушкевич А. С. «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800-1840-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 5. С. 98-115.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье подробно и со знанием дела рассматривается современная концепция исторической памяти. В качестве примеров для конкретно-исторического рассмотрения вопроса избраны эпистолярные тексты П.А. Чаадаева и А.С. Пушкина.

Преимущественное внимание уделяется работам Франклина Анкерсмита и Алейды Ассман. Показана эффективность разделения изучаемого явления на четыре составляющих: целеполагание, историческая мифология, набор символов, инструментов поддержания картину исторической памяти. Вывод о том, что исторический процесс, по Чаадаеву, – это самораскрытие народа, выявление его возможностей для самореализации, а по Пушкину, это драма, тоже действие, но действие не имеющее цели раскрыть внутренние возможности человека или народа – убедительно, но нельзя сказать, что в получении такого результата помогла именно концепция исторической памяти.

Необходимо высказать несколько замечаний по статье.

Во-первых, отсутствует внятное объяснение выбора текстов Чаадаева и Пушкина как ключевых для рассмотрения концепции исторической памяти на отечественном материале. Главным контраргументом для такого выбора могло бы послужить известное специалистам источниковедческое обстоятельство: из оживленной переписки Пушкина с Чаадаевым нам известно очень немного, так как Чаадаев сжег всю свою переписку («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1100, примеч.; ср. «Пушк. и его соврем.», вып. VIII, 1908, стр. 53), в этом смысле эпистолярные источники могут заранее считаться недостаточными для обоснованного вывода.

Во-вторых, концептуально в таком сравнении много интересного (хотя его и нельзя назвать редким или оригинальным), но удивительным образом из сравнения таких, казалось бы, контрарных взглядов полностью исчезла развивающаяся в этот самый исторический период антитеза западников и славянофилов, прямо относящаяся к построению концепции исторической памяти в XIX веке. Оба автора, несмотря на точно подмеченные автором различия в мнениях и оценках, в историографии единодушно относятся к условным западникам.

В-третьих, в статье есть отсылка к работе Ассман «», но кажется, что в контексте обсуждаемого вопроса более удачной рамкой для рассмотрения могла бы стать её же «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» (М., 2014). Несмотря на понятную лапидарность теоретического введения нельзя не заметить, что интересно было бы понять, как можно увидеть обсуждение Чаадаевым и Пушкиным исторической памяти в контексте «социальных рамок памяти» Мориса Хальбвакса, или «изобретения традиции» в духе Эрика Хобсбаума и Хью Тревора-Ропера, или даже «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона.

Стиль статьи – строгий академический, структура – логичная обоснованная, содержание соответствует названию и постановке проблемы, библиография – достаточно полная. Выводы – самостоятельные, обоснованные, интерес читательской аудитории к статье обеспечен. Несмотря на высказанные замечания, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».